

РЕПОРТАЖ ИЗ ГАВАНЫ

ОНА ПЕЛА С ШАЛЯПИНЫМ...

В Большом театре Гаваны я ожидал встречи с одним из артистов. «Вам придется подождать», — сказали мне. Что делать? По профессиональной журналистской привычке оглядываюсь по сторонам в поисках печатного слова, помогающего «убить время». На журнальном столике — кипа театральных обзоров и программ разных лет. Внимание привлекла одна из них, с большой фотографией.

...С обложки программы улыбается молодая, красивая женщина, с короткой стрижкой по моде 20-х годов. Надпись на титульном листе гласит: «Министерство культуры Кубы устраивает гала-концерт в честь 80-летия выдающегося преподавателя бельканто, известной оперной певицы Марьяны де Гонич». Фамилия явно не кубинская, мелькнула мысль.

А вот содержание следующей страницы: председатель Союза писателей и деятелей культуры Кубы Николас Гильен приветствует юбиляра, отмечает ее заслуги в деле воспитания целой школы кубинских оперных певцов. Листаю программу дальше: из перепечатанной газетной выдержки узнаю,

что по происхождению певица — русская...

Тот юбилейный гала-концерт состоялся в Гаване в 1980 году. Удалось выяснить, что настоящая фамилия юбиляра — Юстицкая, а де Гонич — артистический псевдоним. Живет в Гаване, есть телефон.

Набираю номер, в трубке раздаётся звонкий женский голос. Сначала разговор идет на испанском, но, узнав, что у телефона советский журналист, Марьяна Александровна (так зовут мою новую знакомую) переходит на родной язык:

— Конечно, приезжайте, буду вас ждать в два часа дня, сразу после урока.

Выходит, она еще продолжает преподавать.

Меня встречает высокая, статная женщина: трудно поверить, что ей далеко за восемьдесят. По-русски говорит неторопливо, напевно, чисто, лишь иногда вставляя в разговор испанские слова — чувствуется, что на Кубе живет давно. Из ее рассказа узнаю, что родилась Марьяна Александровна в Петербурге. Закончила балетную школу, затем музыкальную. Очень хотела стать певицей. Помеша-

ли семейные обстоятельства. В 1920 году скончался отец. Мать уехала лечиться за границу, и девушка осталась в России в полном одиночестве. В 1923 году выехала в Париж, где находилась мать.

— Как сложилась ваша судьба в эмиграции?

— Я страстно хотела петь в опере, но осуществить это желание было очень трудно. Помог случай... Я выступала во многих театрах Европы, в Соединенных Штатах. В 1928 году в Берлинском оперном театре трижды пела в опере «Фауст» с Федором Ивановичем Шаляпиным и потом еще один раз в лейпцигском театре. Шаляпин исполнял партию Мефистофеля, я — Маргариты.

В небольшой комнате, где мы ведем разговор, стоит рояль, напротив — зеркало в человеческий рост. «Это чтобы ученики видели свое отражение и учились держать себя на сцене», — поясняет хозяйка дома. Все стены увешаны фотографиями разных лет, в большинстве сильно пожелтевшими от времени. На одной — знакомое лицо знаменитого русского баса с посвящением Марьяне Александровне и пожеланием ей успехов на пути в искусство.

Дата: 1928 год, Париж. И размахистая, затейливая подпись: Шаляпин...

— Какие воспоминания остались у вас от встреч с Шаляпиным?

— Впечатление самое сильное, ведь он был великим артистом. Всегда говорил, что, когда закончит свою карьеру певца, будет давать не уроки пения, а уроки артистического мастерства. Мою арию Маргариты он мне просто разложил по полочкам, объяснив все до последней ноты. Голосом моим остался доволен.

Моя собеседница рассказала затем, что в Гавану приехала в августе 1940-го вместе с мужем, кубинским композитором Педро Гидо, с которым познакомилась в Париже, и известие о нападении фашистской Германии на Советский Союз застало ее в кубинской столице.

— Все военные годы сердце мое обливало кровью, — продолжала она. — Хотелось хоть как-то помочь Родине. Однажды я обратилась в министерство обороны Кубы с предложением создать специальную радиопередачу солидарности с антигитлеровской коалицией. Оно

было принято. И эту передачу продолжительностью 30 минут я вела до конца войны. Каждый день она открывалась чтением военных сводок. Во время передачи много раз исполняла антифашистский «Гимн свободы», слова к которому написал поэт Николас Гильен, а музыку — мой муж Педро Гидо.

Узнал я также, что по инициативе Марьяны Александровны в далекой от нас Гаване была организована фотовыставка о кровавых преступлениях гитлеровцев на оккупированной территории Советского Союза.

— Давно ли вы занимаетесь педагогической деятельностью?

— Начала сразу после войны. Первой моей ученицей была Эстер Вальдес, ныне одна из ведущих оперных солисток Кубы... Горжусь тем, что многие из моих учеников поют на профессиональной сцене, стали победителями национальных конкурсов оперной музыки.

...В программе юбилейного гала-концерта, той самой, что заинтриговала меня в минуты вынужденного ожидания, — много прекрасных отзывов о педагогической дея-

тельности Марьяны Александровны. Вот что пишет Уго Осле, ее ученик, один из лучших теноров Кубы: «Марьяне де Гонич выпала честь вырастить выдающееся поколение кубинских оперных певцов. Она — одна из самых важных фигур в культуре нашей страны». А это слова известного композитора Родриго Пратса: «Испытываю к Марьяне де Гонич чувство глубокого уважения и восхищения. Она заслуживает нашу всеобщую любовь».

Остается добавить, что музыкальный педагог Марьяна де Гонич удостоена многих кубинских наград.

— Марьяна Александровна, а какое событие в послевоенной жизни СССР произвело на вас наибольшее впечатление?

— Полет Юрия Гагарина в космос. Помню, когда узнала об этом, в первый момент грешным делом подумала: а он, часом, не родственник ли князей Гагариных, тогда такое мелькнуло в западной прессе. Потом прочла в газетах, что Юрий из простой крестьянской семьи... Я очень бы хотела увидеть свою родную страну, Ленинград. Так уж сложилась судьба... Но Родину русскому человеку ничто заменить не может.

Сергей СЕРЕДА.
(Корр. ТАСС — специально для «Советской культуры»).